

ВЕТЕРАН

БУДНИ ВОЙНЫ

Мой муж, лейтенант Тимофей Михайлов, балтийский моряк, погиб летом 1941-го в боях под Лугой. А я в первую ленинградскую блокадную зиму работала медицинской сестрой в 85-м хирургическом госпитале. Маленький мой сын Вова ослаб, ходить ему со мной на работу было трудно, пришлось оставлять его одного в квартире на улице Жуковского. Натоплю щепками из расколотого стула печурку, уложу его в постель, закутаю потеплее и ухажу. А сердце волнуется, весь день переживаю: как он там?

Однажды вечером возвращаюсь и вижу, что в дом попал снаряд: выбиты все стекла, двери нараспашку. Вбежала в квартиру, зову Вову — не отзывается. Нашла его под кроватью забившимся в угол. Схватила ребенка, стала отогревать его своим дыханием. Наутро пришли девушки из МПВО, помогли забить окно фанерой...

Осенью 1942-го моего сына вместе с большой группой ленинградских детей эвакуировали из Ленинграда. Вывезли вскоре на Большую землю и раненых из нашего госпиталя. Медперсонал расписали по фронтовым частям. Стала и я военной.

Меня направили на Оранненбаумский «пяточок», в 56-ю отдельную стрелковую бригаду, как мне рассказывали, сформированную в основном из моряков. Не буду описывать путь от Горской до Кронштадта и далее на южный берег залива к Малой Ижоре. Его проделывали пешком по льду.

Меня назначили фельдшером в санчасть второго батальона, находившуюся в деревне Устье. В медпункт, где лежали раненые бойцы, частенько заглядывали их товарищи, чтобы перекинуться парой слов с друзьями. В избе было тесно, к нарам не подойти: «гости» вели беседы стоя у дверей.

Как-то заглянул в медпункт и командир бригады Папченко. Я представилась:

— Фельдшер Рыбина!

Полковник осмотрел меня критическим взглядом и сказал:

— В армии, дорогая, обращаются по званию.

Потом спросил, почему я одета не по форме. Ответила, что такого маленького размера обмундирования у старшины нет. Кто-то из раненых обратился к комбригу:

— Товарищ полковник; пусть фельдшер в гражданском ходит, мы скорее поправимся...

— Вот уже и «адвокаты» завелись, — рассмеялся Михаил Данилович и приказал одеть меня «по форме».

Приказ подействовал: старшина выдал шубу и шапку-ушанку, бойцы-моряки принесли тельняшку, морской китель, брюки, а батальонный сапожник обещал сшить сапоги 35-го размера.

В декабре батальон совершил марш под Невскую Дубровку. Через залив на северный берег шли ночью, когда падал мокрый снег, слепивший глаза. Переход был с полной выкладкой. Бойцы тянули салазки с пулеметами, несли противотанковые ружья, ящики с патронами. Разговаривать, курить было строжайше запрещено, — враг находился в Петергофе.

На Неве было не до отдыха. На плацдарме за рекой находилось одно из подразделений 56-й бригады, ему нужно было оказать помощь. В следующую ночь с обледенелого правого берега вместе с группой бойцов я спустилась на трассу переправы. Мы несли защитникам «пяточка» горячую пищу в термосах, везли санки с боеприпасами. Обратное, с Невского «пяточка», предстояло вывезти тяжелораненых. Враг освещал замерзшую реку ракетами. То вставая, то падая на лед, когда вспыхивала ракета, мы добрались к левому берегу.

Нас встречали с радостью. Все были рады горячей пище, наркомовским стаграммам, табаку, письмам, газетам. Я ужаснулась, увидев множество раненых. Они были везде: в землянках, в «лисыих норах», траншеях. Вид у них был удручающий: обросшие, грязные, а молодые бойцы — жалкие, как больные дети. Когда я пробиралась по траншее от одного раненого к другому, мне говорили солдаты: «Пригибайся ниже, рядом немцы». Я не подумала об опасности и захотела посмот-

реть, где находится противник. Попыталась забраться на бруствер. Увидев это, сидевший рядом лейтенант рванул меня за шубу вниз, я упала прямо ему на колени.

— Что, жить надоело? — укоризненно и сурово сказал он. — Тебе фрицы сделают в голове дырку и по нам откроют минометный огонь...

Обратный путь с Невского «пятачка» оказался более долгим. Враг освещал местность ракетами на парашютиках. Медленно опускаясь, они светили ярким бледно-желтым светом. Заметив движение на льду реки, гитлеровцы открывали пулеметный и минометный огонь, и всем приходилось замирать лежа на льду, чтобы не обнаружить себя.

...Из района Невской Дубровки в феврале 1943 года, после прорыва блокады, 56-ю бригаду переместили к Ивановским порогам, вниз по Неве. Из состава 67-й армии нас передали в 55-ю армию Ленфронта. На левом берегу реки по-прежнему еще стоял враг, там находились эсэсовцы. Фашисты сильно укрепились. Окопы у них были вырыты в полный профиль, построены доты и дзоты, соединенные глубокими ходами сообщения.

Со стороны Колпина в направлении Красного Бора наши войска с 10 февраля вели тяжелые наступательные бои. Противник оказывал сильное сопротивление. Командование нашей 55-й армии решило нанести отвлекающий удар по гитлеровцам с тыла, со стороны Невы. Два батальона

Нина Викторовна Рыбина, ветеран 124-й Минско-Хинганской Краснознаменной ордена Суворова II степени стрелковой дивизии, на фронте была медсестрой. Работала медицинским работником и после войны. В детском доме отыскала своего сына. Вот как о своей жизни рассказывает сама Нина Викторовна: «Судьба моего мужа, командира 2-го артиллерийского дивизиона Сергея Петровича Литвиненко, многим была похожа на мою. В блокаду в Ленинграде погибла его жена, а сын, годовасик моему сыну, находился в детском доме. После войны мы с ним создали семью. Вырастили своих сыновей. Они были комсомольцами, теперь коммунисты. Получили высшее образование. И мы радуемся их успехам...»

Нина Викторовна и ее муж Сергей Петрович, оба инвалиды Великой Отечественной войны, много времени и сил отдают военно-патриотической работе с молодежью, пионерами и школьниками.

56-й бригады должны были форсировать реку по льду. Третий батальон оставался в резерве на правом берегу, чтобы оказать атакующим последующую поддержку.

Готовясь к удару по врагу, бойцы чистили и проверяли оружие, писали письма, заявления: «Если погибну, считайте меня коммунистом». Справившись со своими делами, одни солдаты дремали в окопе, другие, накинув на себя плащ-палатку, курили, шепотом беседовали между собой.

Было морозное февральское утро, двадцать третье число, хорошо это помню. Советская артиллерия открыла огонь по укреплениям противника. Через головы наших пехотинцев по гитлеровцам, засевшим на левом берегу, били пулеметы. Подымаясь в атаку, бойцы-моряки сбросили с себя маскхалаты, оставшись в том, что они смогли сохранить от матросской формы: бушлаты, тельняшки, ремни, бескозырки. Достигнув левого берега, наши воины бросали на колючую проволоку бушлаты, шинели, преодолевали заграждения и врывались во вражеские траншеи, завязывая рукопашный бой с фашистами.

За атакующими вышли на лед санитары. Для меня это был первый бой. Раненые ползли к нашему берегу; то там, то здесь лед был окрашен кровью. Я испугалась, заплакала, но стоны раненых заставили меня прийти в себя, начать работать. Подползаю к тому, кто упал, перевязываю ему рану, потом переваливаю его на растянутую плащ-палатку. Подсуну два угла палатки ему под руки и завяжу на груди. За тот угол плащ-палатки, что находится выше головы, тяну раненого к правому берегу реки, в траншею. Голые руки мерзнут, а в рукавицах не удержать груз — угол палатки выскальзывает и сил не хватает тащить...

До подхода санитарного транспорта мы укладывали тяжелораненых в траншеях. Укутывали их в шубы, подкладывали им химические грелки. Некоторым приходилось вливать в рот глоток спирта.

Пробежавший мимо меня связной, увидев в моей руке фляжку, остановился:

— Дай хлебнуть, сестричка!

Я подала ему фляжку. Солдат приложился к ней. В руке у него был фашистский флаг со свастикой в центре. Связной оторвал от угла кусок материи и подал мне:

— Вот тебе платочек в награду.

— Как там впереди? — показала я на тот берег.

— Дошли до Пеллы... — И побежал дальше.

Раненые, услышав, что наши продвинулись до Пеллы, очень обрадовались. Но мы не знали того, что гитлеровцы нанесли удар по флангам десанта и отрезали бойцов наших батальонов от Невы. Фашистские бомбардировщики совершили налет на позиции третьего батальона и разгромили его. Наступавшие лишились его поддержки. Бойцы продолжали сражаться, находясь в окружении.

Смелая атака 56-й бригады все же не была напрасной. В тот же день, 23 февраля 1943 года, войскам 55-й армии удалось выбить фашистов из Красного Бора. Остатки двух наших батальонов, воспользовавшись замешательством врага, сумели пробиться из окружения и выйти к Неве.

После боев на Неве я была переведена в противотанковый артдивизион. Мы стояли под Красным Бором. Пушки были развернуты на открытой местности на противотанковых позициях, а противник располагался в лесу. Больше всего бойцы страдали от жажды. Воду приходилось брать из воронки. Опускали в котелок вонючей воды таблетку понтацита и пили... Но и такую воду добывать было трудно и рискованно. Чтобы набрать котелок воды, нужно было ползти к воронке метров тридцать.

За водой ходили по очереди. Когда я в первый раз отправилась к воронке, меня чуть было не подстрелил фашистский снайпер. Спасла каска. Пуля ударила в нее и оставила вмятину. В другой раз — надо же быть такому счастью! — пуля ударилась в бляху матросского ремня.

Из-под Красного Бора противотанковый дивизион «сорокапяток» прибыл в район Карделево, недалеко от Колпина. Противник находился на сухом, возвышенном месте, мы — на болоте. Наступала весна. Днем подтаивало, ночью подмораживало. Пушки вязли в грязи. Каждую ночь мы их перетаскивали на другое место. Днем артиллеристам приходилось лежать на плащ-палатках, из-за вражеского огня нельзя было поднять головы. Ширина «нейтралки» была всего метров двадцать пять.

Стояли в этом болоте, наверное, с месяц. У бойцов стали пухнуть ноги, на них появились черные пятна.

Однако люди стойко переносили и болезни, и невзгоды фронтового житья.

— Все вытерпим, — говорили ребята, — на то мы «болотные солдаты»!

Во время одного вражеского артонала по нашим позициям в районе Колпинского шоссе произошло прямое попадание снаряда в землянку. Она была полностью разрушена. Многие пришлось повидать за три года войны, но такого я еще не видела. Верхний накат разбросан, а из перепаханной земли торчали ноги в сапогах и ботинках с обмотками. Страшная картина...

Снаряд однажды разорвался возле «лисьей норы», в которой укрывалась я. Меня контузило. Сильно тошнило, очень болела голова. Бойцы видели мое состояние, уговаривали пойти в медсанбат, но как я могла оставить их без медицинской помощи? Так и не пошла.

Давно отгремели залпы. Новые поколения советских людей уже не знают, что такое война. И пусть ее не будет никогда. Мы, бывшие фронтовики, не можем забыть того, что пережито.

В 39 Ветеран. Выпуск 2/[Сост. К. К. Грищинский]. Л.: Лениздат, 1980. — 368 с., ил.

Многожанровый сборник включает в себя статьи, очерки, воспоминания и стихи ленинградцев — участников Великой Отечественной войны.

Книга адресована массовому читателю.

В 11202 0505030202 — 126 55—80
М171(03) — 80

9(С)27